

Татьяна Борисова

Michael David-Fox. Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015. 336 pp. ISBN 978-0-8229-6367-7.

Татьяна Борисова. Адрес для переписки: НИУ Высшая школа экономики, ул. Союза Печатников, д. 16, Санкт-Петербург, 190008, Россия. tborisova@hse.ru.

Новую книгу Майкла Дэвид-Фокса можно начинать читать с обложки, а именно с плаката Алексея Радакова «Знание разорвет цепи рабства» (1920 год). На переднем плане изображена массивная стопка книг, которая лежит на цепи, как на качелях. Цепь висит между почти одинаковыми темными заводскими корпусами с квадратными окнами и трубами. Грудю книг венчает большое белое перо, обмакнутое в тушь. Перо и книги придавлены волевой рукой с расставленными пальцами, возникающей из темной тучи на самом верху плаката наподобие перста божьего – из облака. Фон – охристо-оранжевый, не слишком светлый и не темный, оставляющий зрителя в неведении: восход это или закат?

Образы плаката соответствуют центральным вопросам книги, которые можно формулировать по-разному. Какие оковы (не) разорвала революция в области культуры и политики? В какой степени понятийный аппарат исторического анализа формирует наше знание о советском прошлом и как разорвать эти «концептуальные оковы» языка? Это большие вопросы, о которых много написано. Новая книга Дэвид-Фокса обобщает имеющиеся ответы и формулирует новые вопросы.

Сфера культуры (знания, искусства, образования) подразумевает нечто общее, пусть и не всем известное, доступное и не всеми разделяемое. С этой точки зрения широкое поле культуры кажется наиболее плодотворным для исследования советского прошлого. Оно подразумевает соединение разных историй (социальной, политической, культурной) и включение в более широкий международный контекст. Культура как объект исследования диктует универалистскую перспективу книги, которую можно свести к понятию *shared modernity* (общая модерность). Вынося это понятие в заглавие вводной части («The Soviet Order between Exceptionalism and Shared Modernity»), автор обозначает свою позицию в давнем споре о советской модерности. Этому спору посвящена первая, «теоретическая» часть книги.

Подробный анализ исследований о советской модерности (как теоретической дискуссии, так и эмпирических исследований) – важное достижение книги Дэвид-Фокса. Знакомство с этой частью будет полезно всем тем, кто пишет о СССР, и вот почему: Дэвид-Фокс показывает, что понятия, которые используются для описания советского опыта, требуют очень вдумчивого и осторожного отношения. Утверждать, что СССР был «частью модерности» означает выйти на минное поле серьезной теоретической дискуссии о нормативности модерности, о единичности и/или множественности модерности, а также о ее хронологических

рамках. А стоит ли вообще туда выходить? Можно согласиться с известным историком колониализма Фредериком Купером в том, что излишняя теоретизация исторического анализа зачастую не помогает, а, наоборот, затрудняет объяснение исторических процессов (Cooper 2005). Сходный аргумент в отношении российской истории высказывает и Рон Суни (Suny 2008). Например, Иан Плампер в детальном эмпирическом исследовании культа Иосифа Сталина почти не использует понятие «идеология» и не ставит вопрос о взаимосвязи советской идеологии и культа личности (Plamper 2012). Этот выбор можно объяснить тем, что «культ личности» стал частью идеологического дискурса позднее, после известного доклада Никиты Хрущева.

В своем анализе дискуссии о модерности в первой главе книги Дэвид-Фокс выходит за узкие рамки русистики и исторических исследований и показывает, что модерность может быть полезной категорией транснациональной истории и социальных наук вообще. Действительно, отказ от модерности как категории анализа исключает Россию из более широкого круга исследований о трансформации политических и общественных порядков в XIX–XX веках. Это может подпитывать существующую традицию противопоставления российского «особого» пути другим историям. Такое явное или неявное противопоставление можно найти в исследованиях (нео)традиционализма советского времени. Работы, показывающие живучесть «российских традиций» (патримониальных связей и придворных интриг, жалоб, блата, мистификации власти) как будто ставят под сомнение модерность советского опыта и подчеркивают замкнутость на воспроизводстве домашних практик.

Тем не менее, все перечисленное шло рука об руку с советскими современными процессами политики масс и вмешательства государства: государственным планированием, установлением дисциплины, надзором. Старые практики работали на новые цели, попутно влияя на конечный результат. Из исследований на эту тему отмечу только что вышедшую книгу Боты Казымбековой о советском государстве на азиатских окраинах (Kassymbekova 2016).

Далее Дэвид-Фокс подвергает критическому разбору противоречия между исследованиями (нео)традиционалистов и модернистов и делает вывод о том, что нормативный подход к модерности как к единоплавленному и прогрессивному явлению не подходит для анализа советского прошлого. С этой точки зрения должен быть пересмотрен известный тезис Терри Мартина: «Модернизация – это теория советских намерений, неотрадиционализм – это теория их незапланированных следствий» (Martin 2000:176). В контексте интерпретации Дэвид-Фокса российский вариант объединения модернизации и традиции ставит проблему многоплановости модерности, которая вполне может быть нелиберальной и незападной (с. 37). При этом разные модерности могут «пересекаться» в сфере теории и практики взаимоотношений человека – общества – государства, заимствуя друг у друга политические решения, а также черпая из общего источника достижений науки и технологий. В этой связи книга Дэвид-Фокса предлагает сместить фокус дискуссии о советской модерности, направив его на сферу прагматического принятия решений, в которой поляризация политического дискурса

должна быть оставлена за рамками – именно здесь «работает» модернность. Дэвид-Фокс применяет такой подход в эмпирической части своей книги на трех уровнях: идеи, институты, личности.

Во второй (историографической) главе речь идет о современных идеях интеллигенции и артистизме советского государства, «идущего в авангарде». Здесь в качестве артефакта политики «культурности» и «массовости» представлен плакат с обложки книги. Очень полезен анализ эмпирических исследований об эгалитарных элитах в российской, а затем советской империи 1920–1930-х годов и продолжение истории об исключении народа – теперь в виде масс. Теме разрыва со старым режимом посвящены третья, четвертая и пятая главы.

В третьей главе рассматривается новое многообразие способов идеологии в советском контексте. Автор выделяет и схематически описывает разницу между шестью измерениями советской идеологии. Он говорит об идеологии как доктрине, взгляде на мир, дискурсе, перформансе, вере (*belief*) и историческом концепте марксистского и марксистско-ленинского лексикона. В этой главе особенно интересен историографический обзор исследований о роли идеологий в исторических процессах (с. 97–103). Дэвид-Фокс показывает, что нельзя говорить о значении той или иной идеологии в политических режимах Великой французской революции, нацистской Германии и Советской России. Разные ипостаси советской идеологии, представленные в главе, позволяют исследовать ее текучее многообразие. Автор предлагает говорить об идеологии как об *арене* (с. 103), что, наверное, подразумевает своего рода рабочий *процесс* – одновременно и видимый, и латентный – по формированию различных идеологических проектов.

Четвертая глава посвящена проблеме культурной революции в 1920–1930-е годы. Здесь автор, как и в предыдущих главах, опирается на большой корпус современной англоязычной литературы и использует архивные источники для акцентирования отдельных моментов перехода культуры в «культурность».

Три последние главы составляют эмпирическую часть монографии и охватывают институциональный и личный уровни политики в области культуры. Так, пятая глава представляет собой анализ истории трансформации Российской императорской академии наук в советскую в 1918–1929 годы. Заключительные главы рассказывают о двух фигурах-медиаторах советской модерности: секретаре-переводчике и жене Ромена Роллана Марии Кудашевой (1895–1985) и левом политике Эрнсте Никише (1889–1967). Опираясь на опубликованные и неопубликованные источники, автор показывает сложные переплетения биографий, идеологических императивов и политических задач в истории привлечения европейских интеллектуалов и политиков к советской пропаганде. Эта часть книги наглядно показывает, как работает идеология и модернность в советском государстве, кто и по каким причинам участвует в их работе.

Подводя итог, отмечу, что книга является достойной попыткой соединить теоретический, историографический и эмпирический нарративы в исследовании советской модерности. Соединение под одной обложкой методологически различных эссе показывает разницу регистров концептуального и событийного опи-

сания прошлого. Такая разница – наглядная иллюстрация ограниченности отдельно взятых подходов к истории и необходимости дальнейшего движения *crossing borders*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Cooper, Frederick. 2005. *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. Berkeley: University of California Press.
- Kassymbekova, Botakoz. 2016. *Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Martin, Terry. 2000. "Modernization of Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism." Pp. 161–182 in *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices*, edited by David L. Hoffmann and Yanni Kotsonis. New York: Palgrave Macmillan.
- Plamper, Ian. 2012. *The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Suny, Ronald Gregor. 2008. "On Ideology, Subjectivity, and Modernity: Disparate Thoughts about Doing Soviet History." *Russian History* 35(1–2):251–258.